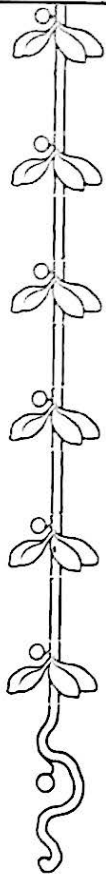

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

О Чеховѣ.

Л. А. Суллержицкій и И. М. Москвинъ.

Л. А. Суллержицкій и И. М. Москвинъ дѣлятся воспоминаніями, крайне интересными, относящимися въ одинаковой мѣрѣ и къ памяти покойнаго Антона Павловича Чехова и къ исторіи Художественнаго театра.

Послѣ провала „Чайки“ въ Петербургѣ А. П. Чеховъ рѣшительно отказался согласиться на постановку ея въ Художественномъ театрѣ.

Вл. Ив. Немировичъ-Данченко съ трудомъ убѣдилъ Антона Павловича дать условно свое согласіе. Было рѣшено, что если на репетиціяхъ Вл. И. Немировичъ-Данченко увидитъ, что „Чайка“ не будетъ имѣть успѣха, то ея не поставятъ.

— Но слово свое мы, кажется, плохо держали,—говоритъ Вл. И. Немировичъ-Данченко,—такъ какъ на послѣдней генеральной репетиціи всемъ казалось, что пьеса идетъ и поставлена такъ неудачно и неинтересно, что успѣха она имѣть не можетъ...

Между тѣмъ дѣла Художественнаго театра были очень не важны. Публика плохо посѣщала театръ и интересовалась только „Царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ“.

Разсчитывали на постановку „Ганнеле“, но „Ганнеле“ сняли.

Осталась „Чайка“.

Возникъ большой вопросъ: показывать ли „Чайку“ публикѣ, или нѣтъ?

Вопросъ этотъ осложнился тѣмъ, что здоровье Антона Павловича въ это время ухудшилось, и вторичный неуспѣхъ пьесы могъ бы очень тяжело на немъ отозваться.

Не ставить же „Чайки“ было равносильно закрытію театра.

Послѣ долгихъ колебаній рѣшили, наконецъ, играть.

Въ продолженіе перваго акта нервы у всѣхъ исполнителей были напряжены до крайности.

Со сцены казалось, что пьеса проваливается.

Занавѣсъ закрылся. Короткая пауза. Глубокое молчаніе.

Но черезъ нѣсколько секундъ раздался взрывъ оглушительныхъ аплодисментовъ, перешедшихъ затѣмъ въ овацію.

Публика потребовала, чтобы Антону Павловичу была послана привѣтственная телеграмма.

При составленіи текста телеграммы изъ публики кричали:

— Теплѣе пишите, теплѣе!..

Антону Павловичу страшно хотѣлось увидать у насъ „Чайку“, но нездоровье все не позволяло ему пріѣхать въ Москву.

Когда же онъ пріѣхалъ, спектакли уже закончились.

Нашъ театръ сталъ просить у него разрѣшенія поставить „Дядю Ваню“ и новыхъ пьесъ.

Онъ же все упорно говорилъ:

— Я не видѣлъ вашего театра, я не знаю, какъ вы играете...

Эту фразу онъ повторялъ очень часто. Наконецъ, мы догадались, что онъ просто хочетъ, чтобы мы ему показали, какъ мы играемъ „Чайку“.

И мы рѣшили это сдѣлать.

У Художественнаго театра не было импровизированнаго спектакля; былъ снятъ „Интернаціональный“ театръ, куда и перевезли все необходимое для постановки „Чайки“.

Тамъ-то и сыгралъ Художественный театръ „Чайку“. Публику составлялъ одинъ Антонъ Павловичъ, который сидѣлъ въ пустомъ, темномъ театрѣ и внимательно слѣдилъ за пьесой.

* * *

У артистовъ Художественнаго театра осталось въ памяти очень много мелкихъ эпизодовъ, происходившихъ во время встрѣчъ съ Антономъ Павловичемъ.

Вотъ два очень интересныхъ случая.

Когда одной артисткѣ поручили роль Анисьи изъ „Власти тьмы“, Антонъ Павловичъ сказалъ ей:

— Трудная роль, трудная... Какъ вы ее сыграете?

Артистка отвѣтила, что она очень боится автора.

Антонъ Павловичъ возразилъ:

— А вы не бойтесь автора никогда. Актеръ—свободный художникъ. Вы должны создавать образъ, совершенно свободный отъ авторскаго. Когда эти два образа, авторскій и актерскій, сливаются въ одинъ,—получается истинное художественное произведение. Вотъ Чайковскій написалъ совершенно иного Евгения Онѣгина, чѣмъ Пушкинъ, а вмѣстѣ они создаютъ чарующее художественное произведение.

Играть надо по возможности просто, глубоко и благородно.

* * *

Второй эпизодъ юмористическій.

Когда на репетиціи „Вишневаго сада“ Антонъ Павловичъ увидѣлъ, что одинъ изъ актеровъ сталъ хлопать комаровъ, то онъ ему сказалъ:

— Это уже было въ „Дядѣ Ванѣ“... Не надо этого...

Стали спорить.

Наконецъ, его спросили:

— Нельзя ли только двухъ комаровъ убить?

На это Антонъ Павловичъ отвѣтилъ:

— Можно, но въ слѣдующей пьесѣ вамъ это уже не удастся: я непременно напишу такъ, что дѣйствующее лицо скажетъ: „Какая удивительная мѣстность—нѣтъ ни одного комара!“

В. И. Качаловъ.

Съ теплымъ чувствомъ, любовно вспоминаетъ В. И. Качаловъ Антона Павловича:

— У меня навсегда останется въ памяти какой-то исключительный, обаятельный, деликатный тонъ, какая-то особенная тактичность Антона Павловича. Но это было вовсе не холодно-вѣжливое равнодушіе,—нѣтъ!.. Чувствовалась большая любовь, большое „жалѣніе“ челоѣка...

Никогда не забуду маленькой сцены, происшедшей въ моей уборной въ день перваго представленія „Вишневаго сада“. Два крупныхъ литератора, Г. и М., стали другъ съ другомъ спорить.

Споръ, возникшій на принципиальной почвѣ, перешель въ ссору.

Стали говорить другъ-другу рѣзкости.

Антонъ Павловичъ сидѣлъ и страшно страдалъ.

Онъ смущенно улыбался, усиленно дышалъ и очень волновался.

Когда они разошлись, онъ, какъ бы успокоивая меня, помню, сталъ говорить:

— Это ничего!.. Они помирятся... Они же оба любятъ человѣка. Они ссорятся изъ-за пустяковъ, изъ-за книжности, но они оба любятъ человѣка, а это—самое главное!..

Тутъ сказалась вся его любовь къ человѣку, которая чувствовалась не только въ его творествѣ, въ его произведеніяхъ, но и въ его тонѣ, въ его обращеніи.

Его величайшая терпимость, видимая боязнь обидѣть человѣка и совершенно искреннее страданіе, если при немъ обижали человѣка!

И сейчасъ же послѣ этого, тутъ же, онъ проявилъ свой безобидный „чеховскій“ юморъ:

— М.—хорошій человѣкъ,—продолжалъ Антонъ Павловичъ.—Онъ вѣдь поповичъ, онъ любитъ церковное пѣніе, колокола... Ну, можетъ покричать на кондукторовъ, но хорошій человѣкъ!..

Артистъ NN, артистъ вообще очень хорошій, очень плохо игралъ въ „Мѣщанахъ“.

Какъ-то особенно неудачно.

Однажды я обратился къ Антону Павловичу съ вопросомъ, нравится ли ему, какъ я играю Тузенбаха въ „Трехъ сестрахъ“.

— Хорошо, очень хорошо... чудесно!—сказалъ А. П. и тутъ же прибавилъ:

— Вотъ и NN очень хорошо играетъ въ „Мѣщанахъ“.

Припоминаю еще два случая его милаго, безобиднаго юмора.

Одна артистка спросила у него:

— Можно ли играть Шарлоту въ „Вишневомъ саду“ отстриженною?

Антонъ Павловичъ отвѣтилъ:

— Можно...

И, какъ бы подумавъ, добавилъ:

— Но только не нужно!..

Когда я долженъ былъ дублировать въ „Чайкѣ“ роль Тригорина, то, встрѣтившись съ Антономъ Павловичемъ, сталъ бесѣдовать по поводу исполненія этой роли.

— Во-первыхъ,—сказалъ мнѣ А. П.,—у него должны быть замѣчательныя, хорошія удочки. Не покушныя, а самодѣльныя, которыя онъ самъ дѣлалъ. Во-вторыхъ, онъ куритъ очень хорошія сигары, непременно въ золотой или серебряной бумажкѣ...

Я все старался навести разговоръ на исполненіе роли и сталъ спрашивать у него:

— Какъ надо играть?

На что онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Играть надо, какъ слѣдуетъ... Хорошо надо играть!..

Вспоминаю еще одинъ эпизодъ:

„Какъ Чеховъ былъ режиссеромъ“.

Онъ пріѣхалъ изъ Ялты, очень заинтересованный постановкой „Трехъ сестеръ“.

Въ это время „Три сестры“ уже прошли разъ десять-пятнадцать. Посмотрѣвъ спектакль, Антонъ Павловичъ рѣшилъ, что сцена пожара за кулисами поставлена неудовлетворительно, не такъ, какъ слѣдуетъ.

Попросилъ позволенія собрать всѣхъ участвующихъ въ этой сценѣ и заняться съ ними.

Всѣ собрались.

А. П. сталъ заниматься, сталъ объяснять, и былъ самъ очень доволенъ... но, въ результатѣ,—ничего изъ этого не вышло.

Въ концѣ-концовъ передъ нимъ извинились, сказавъ:

— Нѣтъ, ужъ мы будемъ играть такъ, какъ раньше!..

А. И. Южинъ.

— Съ начала 80-хъ годовъ мы были очень дружны съ Антономъ Павловичемъ.

Были вмѣстѣ членами комитета общества драматическихъ писателей.

Провожалъ я его на Сахалинъ.

Затѣмъ наша дружба возобновилась, когда я въ концѣ 90-хъ годовъ пріѣхалъ въ Ниццу.

Антонъ Павловичъ, уже совсѣмъ больной, жилъ въ „Pension Russo“.

Я поселился тамъ же, чтобы быть къ нему поближе.

Вскорѣ пріѣхалъ туда литераторъ П., и мы втроемъ очаровательно провели 3—4 недѣли.

Вспоминается мнѣ одинъ эпизодъ.

Въ Ниццѣ какой-то русскій принесъ Антону Павловичу огромную пятиактную историческую драму въ стихахъ.

Чеховъ вообще былъ очень кроткій, мягкій человѣкъ, боялся обидѣть и нѣжно относился къ чужой душѣ.

И поэтому я былъ страшно удивленъ, когда утромъ, передъ завтракомъ, войдя къ нему, услышалъ, какъ онъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, прямо „на всѣ корки“ разносилъ и автора и пьесу.

Пьеса была изъ византійской жизни и написана была знатокомъ и, кажется, даже специалистомъ по византійской исторіи.

Когда авторъ ушелъ, я обратился къ нему и сказалъ:

— Зачѣмъ ты его такъ сильно пришибъ?

А. П. наморщилъ лобъ и съ самымъ непримиримымъ видомъ заявилъ мнѣ:

— Вѣдь этотъ господинъ для этой пьесы изъ своей души ничего не вынулъ... Авсе изъ книгъ, изъ лѣтописей. Попробуй-ка ты или я написать историческую пьесу,—онъ подчеркнетъ тебѣ каждый промахъ, каждую невѣрную дату, и, благодаря тому, что онъ авторитетъ, пьеса провалится... Какъ же мнѣ его щадить?

Въ послѣдній разъ я съ Чеховымъ видѣлся за нѣсколько дней до представленія „Вишневаго сада“, на бенефисѣ Шаляпина, въ Большомъ театрѣ.

Шелъ „Демонъ“.

На мой взглядъ, онъ тогда выглядѣлъ нисколько не хуже, чѣмъ 2—3 годами ранѣе.

Тѣмъ ужаснѣе и неожиданнѣе была черезъ полгода вѣсть о его смерти.

Очень трудно о такомъ человѣкѣ, какъ Чеховъ, у котораго не было въ натурѣ ничего аффектированнаго, который былъ очень внутрененъ, глубокъ и цѣленъ,—очень трудно о такомъ человѣкѣ давать эпизодическія воспоминанія.

Это было бы все равно, если бы рассказать его „Степь“ своими словами!